УДК 323

СЛАБЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-х ГОДОВ*

С.Г. Зырянов,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
директор, доктор политических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аннотация
Статья посвящена анализу региональных социальных процессов в Челябинской области в период с 2008 по 2014 год. Рассматриваются слабые тренды уровня реальных доходов населения, а также влияние снижающихся темпов экономического развития на социальную стратификацию регионального социума, параметры среднего класса и профессиональную мобильность работников.

Ключевые понятия:
реальные денежные доходы населения, социальная стратификация, социальная мобильность, средний класс.

Данная статья является продолжением темы научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурный портрет населения Челябинской области», начатого в 2011 году. По истечении четырех лет в июле 2014 года было проведено повторное социологическое исследование, цель которого выявить изменения в социальной стратификации и мобильности населения региона в условиях посткризисного развития. В статье «Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области» [3] были сформулированы дефиниции всех необходимых для рассмотрения проблемы понятий. При изучении социальной структуры Челябинской области, как и в предыдущем исследовании, использовались предложенные в Типовой методике технического задания гранта РГНФ два подхода к аналитическим сравнениям.

Во-первых, выявление различий по уровню материальной обеспеченности, для чего сформировавшиеся в регионе за 4 года материально-финансовые аспекты картины социального неравенства анализируются путём сравнения распределения доходов и расходов населения между пятью 20-процентными социальными группами.

Во-вторых, сравнение различий респондентов по месту в социальной стратификации, которая не идентична материальному расслоению, так как в этом случае наряду с материальной дифференциацией учитываются и два других фактора, определяющих положение индивидов и групп в сложившейся системе социального расслоения регионального сообщества: обладание властью и символическим капиталом. Фоном и базовым фактором, обуславливающим возможную положительную или отрицательную динамику рассматриваемых социальных феноменов, является посткризисное состояние экономики и социальной сферы региона, обуславливающее формирование основных трендов.

Итак, посткризисное развитие региона, начиная с 2010 года, характеризуется снижением темпов роста ВРП. Наглядную картину развития экономики области дает анализ динамики ВРП за 13 лет, а также динамика сопутствующих ему показателей.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

Таблица 1

Валовой региональный продукт по Челябинской области за 2000–2012 гг. [9]

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Валовой региональный продукт, в основных ценах, миллионов рублей	120561,0	142461,9	172446,4	220185,2	291179,9	349957,2	446918,0	575643,7	664492,7	556985,3	652865,5	774401,0	843339,4
Изменение темпов роста ВРП, в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году	110,7	103,1	100,9	108,5	104,9	108,3	110,6	113,4	101,5	85,9	106,0	105,3	102,4
Динамика ВПР, относительно 2007 года*	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,859	0,911	0,954	0,982
Индекс-дефлятор ВРП, в процентах к предыдущему году	137,6	114,6	120,0	117,7	126,1	111,0	115,5	113,6	113,7	97,6	110,6	112,6	106,4
Валовой региональный продукт на душу населения, в основных ценах, рублей	33012,3	39216,5	47775,7	61444,7	81894,8	99159,8	127442,5	164797,5	190565,5	159901,0	187673,7	222664,2	242150,5
	I фаза			II фаза					III фаза		IV фаза		

Исходя из данных таблицы за период с 2000 по 2012 год в развитии экономики региона по показателю ВРП можно выделить четыре фазы:

1-я трехлетняя фаза падения с 110,7% в 2000 году до 100,9 % в 2002 году;

2-я пятилетняя фаза роста со 100,9 % в 2002 году до 113,4% в 2007 году;

3-я двухлетняя фаза кризиса и падения объема ВРП до 85,9% в 2009 году;

4-я четырехлетняя фаза отскока от дна кризиса с последующим устойчивым трендом уменьшения темпов роста ВРП со 106,0% 2010 года до 102,4% в 2012 году.

Однако если пересчитать показатели роста ВРП, взяв за базовый год 2008-й, где он равен 1, то в 2012 он составил только 0,982, что на 0,018 ниже 2008 года. Очевидно, что в этот период наблюдался только восстановительный рост региональной экономики.

Поскольку временной период с 2008 года по 2012 год оказался с одной стороны переломным, а с другой стороны достаточно показательным, то в дальнейшем анализе основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения Челябинской области мы будем ориентироваться на сравнения всех анализируемых показателей только в рамках данного периода, включая там где они имеются данные за 2013 и 2014 годы.

В материалах анализа 2011 года было установлено, что на тот период времени распределение денежных доходов среди пяти 20%-х групп населения свидетельствовало о возникновении и сохранении, по крайней мере с 2006 по 2010 год, существенных диспропорций среди различных категорий жителей области. Данные статистики свидетельствовали, что 20% наименее обеспеченных жителей области получили в 2010 году в 8,2 раза меньше денежных доходов, чем 20% жителей с наибольшими доходами. Ситуация с неравенством в доходах населения Челябинской области была аналогична общероссийской картине. За период 2008–2013 гг. данная диспропорция в распределении денежных доходов населения региона частично сгладились.

Итак, соотношение различия в размере получаемых доходов первой и пятой 20% групп за шестилетний период снизилось с 8,2 раза до 7,8 раза, т.е. на 0,4 единицы. Предполагаемая причина – последствия мирового финансово-экономического кризиса, а также то, что пятая 20% груп-

*Рассчитано автором.

Таблица 2

Распределение общего объема денежных доходов населения (в процентах к итогу) [9]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013*
Денежные доходы – всего	100	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:						
первая (с наименьшими доходами)	5,5	5,6	5,6	5,7	5,6	5,8
вторая	10,3	10,4	10,4	10,4	10,4	10,6
третья	15,3	15,3	15,3	15,4	15,3	15,6
четвертая	22,7	22,7	22,7	22,8	22,7	22,8
пятая (с наибольшими доходами)	46,2	46,0	46,0	45,7	46,0	45,2
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в разах	14,5	14,2	14,3	13,9	14,2	13,2
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)**	0,402	0,400	0,400	0,396	0,400	0,389

па наиболее обеспеченных за этот период уменьшилась на 1,0%.

Из данных таблицы следуют ещё два вывода. Во-первых, уменьшился на 1,3 единицы коэффициент фондов с 14,5 до 13,2 раза; во-вторых, уменьшился и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) с 0,402 до 0,389, т.е. на 0,013. Рискнем предположить, что эти изменения свидетельствуют не об улучшении состояния с денежными доходами в первой группе, а об ухудшении ситуации с реальными доходами всего населения региона. Для подтверждения этого тезиса обратимся к показателям основных индикаторов уровня жизни населения региона.

Анализ данных, приведенных в таблице, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в денежном выражении среднедушевые доходы населения области выросли на 7483,3 руб., что составило 152,9%. В то же время с 2008 по 2013 год рост реальной начисленной зарплаты, если взять год 2008 как базовый за единицу, то в 2013 рост реальных располагаемых денежных доходов населения составили только 0,186, т.е. фактически их рост был минимальным.

В данных таблицы 3 также прослеживается ещё одна тенденция – это рост численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного уровня с 369,9 тыс. человек до 404,4 тыс. человек, т.е. на 34,5 тысячи. В целом от суммы самодеятельного населения и пенсионеров эти 404,4 тыс. человек составляют 14,5%.

Если говорить о ближайших временных перспективах, то в связи с тем, что в «замедлении российской экономики переплелись структурные и циклические (значительный масштаб скрытой безработицы, наличие свободных мощностей) факторы», [7] выход из рецессии менее вероятен, чем дальнейшее ухудшение экономической, а значит и социальной ситуации.

Сохраняется и исторически сложившаяся основа дифференциаций доходов населения Челябинской области. Во-первых, это неравномерность уровня развитости отраслей экономики региона и как следствие сохраняющийся дисбаланс удельного веса различных отраслей в формированной структуры ВРП, доставшихся региону в наследство от советской эпохи индустриализации. Как и ранее, лидерство в размере среднемесячной заработной платы в 2010–2013 годах обеспечивает работа в следующих отраслях: финансовая деятельность – 32711,1/42683 (+130,5%) рублей в месяц, работа в металлургическом производстве – 25054,7/33300,3 (+132,3%) рублей. С другой стороны, работа в таких отраслях, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, обеспечивают самый низкий уровень доходов работникам, только 9957,7/17061,8(+171,3%) рублей зара-

*Предварительные данные.

**Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы.

Таблица 3

Основные индикаторы уровня жизни населения Челябинской области [9]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Среднедушевые денежные доходы населения* (в месяц), руб. (1996 г.– тыс. руб.)	14120,0	15215,1	16821,1	18459,9	19816,5	21603,*
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	113,9	98,8	103,2	98,4	100,1	102,8*
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб.	14829,2	15021,2	17370,2	20015,0	22500,5	25648,3*
Динамика роста реальной начисленной заработной платы, в процентах к предыдущему году	108,8	91,7	107,9	104,1	106,7	107,9
Рост реальной заработной платы относительно 2008 года**	1,0	0,917	0,989	1,03	1,099	1,186
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума,*** тыс.человек	369,9	376,0	356,6	374,1	352,8	404,4
в процентах от общей численности населения	10,6	10,8	10,2	10,8	10,1	11,6
в процентах к предыдущему году	91,2	101,6	94,8	104,9	94,3	114,6
Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов: среднедушевых денежных доходов	в 3,3 р.	в 3,3 р.	в 3,4 р.	в 3,2 р.	в 3,4 р.	в 3,0 р.

ботной платы в месяц, а в сфере образования – 10756,2/18742,9 (+174,2%) рублей в месяц [9].

На столь коротком временном отрезке – 4 года – не изменилась роль муниципальных образований в формировании социально-экономической дифференциации населения и сложившейся территориально-отраслевой специализации региона. В регионе были и остаются территории, специализирующиеся на производстве сельскохозяйственной продукции, – это юг области, есть территории, относящиеся к горнозаводской зоне, в которых основная проблема – это моногорода (всего в области 16) – то есть наличие одного или двух – трёх градообразующих предприятий с устаревшими основными производственными фондами, есть три города – ЗАТО, относящиеся к Росатому. Сохраняется сложившаяся корреляция численности населения, проживающего в муниципальных образованиях Челябинской области, с показателем среднемесячной зарплаты. Лидерами по-прежнему являются три муниципальных образования, где среднемесячная зарплата в 2010 и в августе 2014 года была выше средней по области. Это Магнитогорск – 22588,7 руб. в 2010 г. и 32486 в 2014 г., Челябинск – соответственно 20510,9 и 34027,2 руб., Миасс – 18012,6 и 37027,2 руб. В остальных 36 муниципальных образованиях, указанных в статистической таблице, среднеме-

*Данные за 2004–2010 гг. рассчитаны с использованием численности, пересчитанной от итогов ВПН-2010.

**Предварительные данные.Рассчитано автором.

***Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения. За 2003–2010 гг. показатель рассчитан с использованием численности населения, пересчитанной от итогов ВПН-2010.

сячная зарплата ниже средней по области и рекордсменом здесь и в августе 2014 году стал Чесменский муниципальный район с сельскохозяйственным профилем производства и с показателем зарплаты 16983,1 руб. в месяц [4].

Статистические данные, которые с определённой долей условности можно отнести к объективной характеристике состояния социального неравенства регионального социума, почти в унисон дополняются субъективными оценками жителей респондентов. Социологические опросы в 2011–2014 году, проведённые лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, дали результат (см. табл. 4).

В 2010 году 9,6% респондентов в плане материального обеспечения чувствовали себя комфортно, в 2014 их стало 9,7%. А вот 49,7% в 2010 году заявляли о наличии серьёзных материальных проблем. В 2014 году их стало 41,0%, то есть группа уменьшилась на 8,7%. С другой стороны, произошло увеличение группы населения со средними доходами на 6,0%. Получается, что на уровне субъективных оценок уровень материальной дифференциации жителей области имеет небольшую позитивную динамику.

Напомним читателю, что при рассмотрении положения групп населения Челябинской области в системе социальной

Таблица 4

Самооценка населением уровня своей материальной обеспеченности в %

		2010*	2011**	2014***
1	Достаточно состоятелен, чтобы хорошо жить	0,7	0,4	1,1
2	Денег на жизнь хватает, особо не экономим	8,9	7,3	8,6
3	Живём нормально, но приходится экономить	47,7	46,4	49,3
4	Денег хватает только на питание	36,4	37,7	33,4
5	Живём за гранью бедности, денег не хватает даже на питание	6,9	8,2	7,6

Если укрупнить и суммировать полученные данные, то мы увидим, что на протяжении четырёх лет наблюдений численность трёх групп населения – обеспеченных (1 группа, включает позицию 1 и 2 из таблицы), со средним уровнем обеспечения (2 группа), малообеспеченных и бедных (3 группа, включает 4 и 5 группу) не претерпела никаких изменений (см. табл. 5).

стратификации в 2011 и в 2014 гг. использовались три критерия: наличие властных полномочий, т.е. факт руководства людьми; материальный уровень жизни и уровень образования (символический капитал), которые репрезентируют социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное пространство соответственно****.

Таблица 5

Соотношение укрупнённых групп по показателю материальной обеспеченности в %

	2010 год	2011 год	2014 год
1 группа – обеспеченные	9,6	7,7	9,7
2 группа – со средним уровнем обеспечения	43,3	46,4	43,3
3 группа – малообеспеченные и бедные	49,7	45,9	41

*Социологический опрос проведён 27–30 апреля 2010 г. Опрошено 16996 респондентов в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

**Социологический опрос проведён 29 марта – 25 апреля 2011 г. Опрошено 17021 респондент в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

***Социологический опрос проведён 11–27 апреля 2014 г. Опрошено 17021 респондент в Челябинской области. Статистическая погрешность +3,0%

****В нашем исследовании использовались предложенные в Типовой методике критерии.

В соответствии с рекомендациями Типовой методики для выделения социальных слоёв использовалась процедура кластерного анализа с применением метода k-средних и выделением 5 кластеров. При этом из общего массива данных были исключены студенты и учащиеся, которые в силу возраста не имеют пока устоявшегося статуса в системе социальной стратификации.

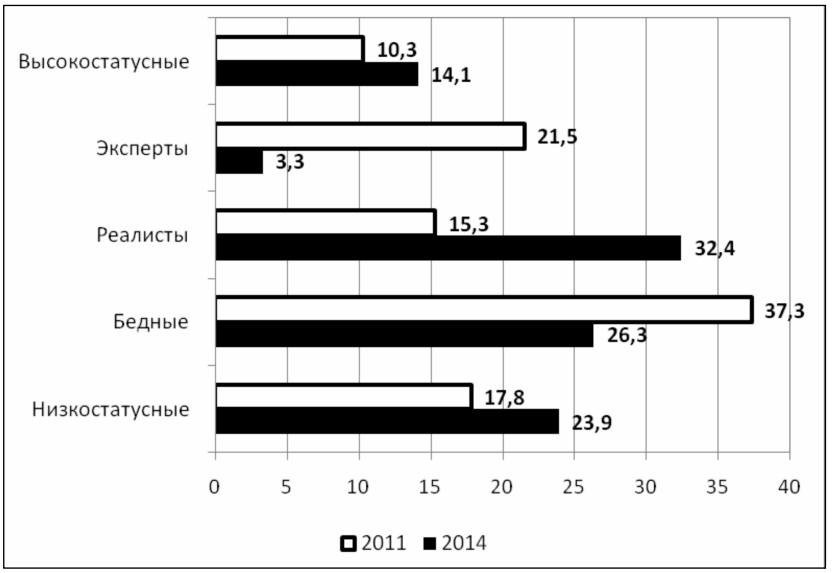

Рисунок 1

В 2014 году самый престижный кластер, условно обозначенный в соответствии с методикой термином «высокостатусные» (10,3%), включает в себя: людей, обладающих властными полномочиями (число подчинённых у 33,6% – менее 5 человек, у 26,9% человек – 5–10, у 13,4% это 11–50 человек, у 6,7% – это 51–100 человек; символический капитал в виде высшего образования и послевузовского образования (84,3% и 9% соответственно). Уровень дохода этой группы позволяет отнести её представителей к категории «обеспеченные». В его состав входят 47% респондентов, у которых денег в основном хватает, но не для покупки дорогостоящих предметов, 41,8% респондентов, которым денег почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, а вот 8,2% респондентов практически ни в чём себе не отказывают.

Демографический состав анализируемого кластера отмечается преобладанием мужчин (57,2%). В профессиональной структуре выделяются категории ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал – 27,5%, предприниматели – 29,9%. Средний возраст представителей этой страты составляет 44,2 года.

Второй кластер, условно названный «эксперты», в 2014 году включает в себя только 3,3% опрошенных. Анализировать его социально-демографические особенности нет смысла, так как полученные данные лишь немного превышают показатель статистической погрешности.

Третий кластер, получивший терминологическое обозначение «реалисты», объединяет 32,4% опрошенных. Среди представителей этой группы только 7,4% имеют подчинённых менее 5 человек. По признаку материального положения реалисты позиционируют себя как люди, 35,5% которых имеют денежные доходы, и их хватает на повседневные затраты, но покупка одежды затруднительна, у 53,0% денежных доходов в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нет, и 11,5% – это те, кому денег на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры. Следует обратить внимание на то, что их уровень дохода достигается, по-видимому, за счёт наличия особых, хорошо востребованных на региональном рынке профессиональных навыков, поскольку в составе кластера находятся респонденты со средним уровнем образования (у 60,2% среднее специальное и среднее профессиональное, у 14,2% – неоконченное высшее, у 23,4% – высшее). При этом доминирующей категорией в рассматриваемой группе являются предприниматели – 10,6%,

работники торговли, рабочие в промышленности, на транспорте, в связи – 17,6%. По полу не наблюдается отклонений от данных по выборке в целом, а средний возраст респондентов – 42,1 года.

Четвёртый кластер – «бедные», которых можно ещё характеризовать как «дезадаптанты». Они составляют самую большую часть массива – 37,3%. В их составе только 8% имеют подчинённых (имеет 5 и 5–10 подчинённых). Абсолютное большинство их – 92% – не имеет властных полномочий – не имеют подчинённых. Это люди со средним специальным уровнем образования – 60,2%, у 14,2% – неоконченное высшее, у 23,4% – высшее. Они находятся в низших слоях по денежным доходам: у 48% денег не хватает на повседневные затраты, у 21% на повседневные затраты уходит вся зарплата, и у 31% на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна. По отношению к представителям данной группы о их слабой приспособленности к новой рыночной социально-экономической ситуации свидетельствует то, что они не смогли конвертировать имеющийся у них образовательный и культурный капитал в приемлемый уровень доходов. Именно в силу этого представители данной группы по материальному положению относятся к категории «бедных». Все базовые характеристики социального состава группы также говорят о её слабом адаптационном потенциале. Здесь преобладают женщины (64,4%), значительное число пенсионеров (26,8%), много рабочих (12,4%). Средний возраст 50,2 года.

Пятый кластер – «низкостатусные» – вобрал в себя 15,6% респондентов. В него входят люди, не имеющие властных функций (94%), с низким уровнем образования: у 24,9% незаконченное среднее, у 50,8% среднее общее и у 22,2% – начальное специальное (профессиональное). По уровню доходов он выглядит чуть лучше, чем предыдущий кластер: у 7,9% денег не хватает на повседневные затраты, у 21,3% на повседневные затраты уходит вся зарплата, и у 50,8% на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна. Представители данной группы не располагают возможностью самостоятельного изменения своего социального положения из-за отсутствия необходимых для этого ресурсов. В состав данного кластера делегируются пенсионеры (20,4%), много рабочих (27%). Средний возраст 48 лет.

Как видно из приведённых социально-демографических характеристик страт, их социально-демографический и профессиональный состав меняется. Настораживает факт появления в составе низших двух страт реалистов и бедных группы численностью в 28% респондентов, которые имеют неоконченное высшее образование. Хотя, возможно, речь идет о студентах вузов заочной формы обучения. В этих же двух стратах увеличивается разброс по доходам.

А вот сравнение полученных в 2011 и 2014 годах социологических данных по их размерам позволяет зафиксировать: во-первых, изменение количественных характеристик страт – с 2011 года по 2014 год увеличилась на 4,1% численность высокостатусного кластера; заметно уменьшилась на 18,2% страта экспертов; увеличилась на 17,1% страта реалистов; уменьшился на 11,5% кластер бедных и увеличилась на 6,1% страта низкостатусных. Рискнем предположить, что столь разнонаправленная и в отдельных случаях весьма масштабная по численности динамика размера кластеров может свидетельствовать о большой волатильности субъективных представлений респондентов о своем месте в социальной структуре российского общества. Второй причиной подобных скачков, возможно, является резкое вмешательство в социальную стратификацию субъективного политического фактора. Речь идет, например, о последовательной реализации региональными властями майского 2012 года № 597 Указа Президента РФ о повышении средней зарплаты отдельным категориям работников так называемой социальной бюджетной сферы. Третьей причиной этих трансформаций, конечно, является медленно нарастающее ухудшение экономической ситуации.

Как и в 2011 году, в 2014 для того, чтобы определить границы среднего класса в Челябинской области, была использована методика, разработанная Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Выделение респондентов, относящихся к среднему классу, осуществлялось на основе трёх критериев: социальной самоидентификации, субъективной оценке материальной обеспеченности, образовательного статуса, а также самоидентификации респондентов в трёх измерениях: в отношении своего поселения, региона, страны в целом.

Следует отметить, что полученные таким образом оценки респондентов относительно собственного социального положения в целом согласуются, но на каждом

из трёх уровней границы отнёсших себя к среднему классу не совпадают.

Итак, принятая методикой перекрёстная классификация данных о самоидентификации с признаками материальной обеспеченности и уровня образования дала возможность установить размеры группы, представителей которой можно отнести к среднему классу в 2011–2014 годах. В масштабе страны к этой страте относят себя по этим годам соответственно 22,4% / 33,5% жителей области, в регионе – 31,4% / 42,54%, в своём поселении – 44% / 54,3%. Совпадение идентификации во всех трёх измерениях наблюдалось в 2011 году у 17,8%, а в 2014 году имеет место у 22,6%. Следовательно, удельный вес среднего класса в регионе вырос, хотя и совсем на немного – на 4,8%.

В социально-демографическом составе среднего класса в сравнении со всем массивом опрошенных выявлены определенные особенности заметных особенностей. В его составе на 4,4 % больше мужчин и на +5,2% больше молодых по возрасту людей, чем представлено в среднем по выборке. Средний возраст представителя среднего класса составляет 36,5 года, в то время как в целом по массиву опрошенных он составляет 45 лет.

При сравнении данных двух замеров видно, что гендерный и поселенческий признаки стали дифференцирующими для представителей среднего класса факторами. Больше на 8% в 2014, чем в 2011 году, в составе среднего класса стало мужчин и 5,3% респондентов из сельской местности.

А вот индексы социально-экономического самочувствия и в 2011 году и в 2014 году свидетельствуют о формировании более заметных отличий представителей этой страты на фоне большинства респондентов.

Значения индексов свидетельствуют о том, что в 2011 году среднему классу, в сравнении с общей выборкой, была и остается в 2014 году свойственной большая удовлетворённость жизнью (0,35/0,616% против 0,26%/0,44%), уверенность в благоприятных перспективах будущего (0,34%/0,496 против 0,15%/0,231%), в том числе в перспективах в предстоящем году жизни (0,73/0,585 против 0,49/0,299). При этом если три года назад ожидания от жизни в предстоящем году были более оптимистичными и у среднего класса и у населения в целом, то в опросе 2014 года индекс этого показателя заметно уменьшился – у среднего класса на 0,265, т.е. почти вдвое, а у населения он уменьшился – на 0,119.

Обратимся также к сравнению показателей социальной мобильности самоде-

Таблица 6

Социально-демографические характеристики среднего класса в 2011 и 2014 годах. Челябинская область (в%)

	Средний класс		Весь массив	
	2014	**2011**	**2014**	**2011**
Пол				
Мужской	49,3	41,3	44,9	43,2
Женский	50,7	58,7	55,1	56,8
Возраст				
18–30	34,8	34,2	29,6	26,8
31–50	37,1	41,3	34,8	39,3
Старше 50 лет	28,1	24,5	35,6	33,9
Образование				
Среднее специальное	38,1	38,0	38,1	38,2
Неоконченное высшее	11,9	9,2	11,9	8,3
Высшее	31,5	31,8	31,5	30,8
Тип поселения				
Город	82,1	87,4	82,1	88,2
Село	17,9	12,6	17,9	11,8

Таблица 7

Социальные настроения среднего класса Челябинской области

Показатели социального настроения	Средний класс 2011 / 2014	Выборка в целом
Удовлетворённость жизнью		
Полностью и скорее удовлетворён	58,2 / 65,3	53,9 / 56,7
Не очень удовлетворён, совсем не удовлетворён	28,0 / 15,5	31,3 / 22,0
Затрудняюсь ответить	13,1 / 16,2	13,8 / 18,8
Отказ от ответа	0,7 / 3,0	1,1 / 2,5
Индекс*	**0,302 / 0,616**	**0,23 / 0,44**
Уверенность в будущем		
Вполне уверен, скорее уверен, чем нет	42,8 / 52,0	38,0 / 43,7
Не могу сказать точно	35,9 / 27,5	32,7 / 27,3
Скорее не уверен, чем уверен	14,1 / _____	19,3 / _____
Совершенно не уверен	6,7	8,6
Отказ от ответа	0,5 / 3,0	1,4 / 1,7
Индекс	**0,22 / 0,496**	**0,10 / 0,23**
Ожидания от жизни в будущем году		
Будем жить значительно лучше или несколько лучше	38,1 / 39,4	28,4 / 28,0
Ничего не изменится	26,6 / 25,5	30,9 / 25,4
Будем жить несколько хуже или значительно хуже	6,0 / 10,3	9,6 / 15,1
Не знаю, отказ от ответа	29,3 / 24,8	32,8 / 31,5
Индекс	**0,32 / 0,585**	**0,18 / 0,299**

ятельного населения области. Социальная мобильность – это изменение социального статуса человека, происходящее вследствие перемещения индивида или социальной группы между различными позициями в системе социально-профессиональной стратификации. В связи с большей доступностью данных о профессиональном положении индикатором социальной мобильности в большинстве исследований выступает социально-профессиональный статус. Итак, что же произошло за 4 года в структуре занятости населения Челябинской области**?

*Значения индексов рассчитаны по формуле $I = \frac{(n1 - n3)}{n}$, где *n1* – число положительных ответов, n3 – число отрицательных ответов, *I* – общее число респондентов в группе. Значения индексов изменяются в диапазоне (-1;1), при этом отрицательные значения свидетельствуют о преобладании негативных оценок, положительные – о позитивных. Значения индекса, близкие к 0, указывают на примерно равное соотношение численности групп.

**Численность профессиональных групп определялась с учётом занятости респондента и его родителей Группы по занятости с численностью менее 50 человек в таблице не представлены. Доля перемещений не включает случаи смены позиций, связанные с «естественными» причинами.

Таблица 8

Изменения положения в структуре занятости населения, в %

	2011		2014	
	Численность группы, чел.	Доля перемещений, %	Численность группы, чел.	Доля перемещений, %
Работники сферы быта и услуг	98	42,0	127	40,0
Работники торговли	127	39,4	124	32,5
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	58	36,6	72	40,5
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	308	35,4	376	37,3
Предприниматели	96	33,5	135	24,2
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	188	28,4	165	26,8
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.	208	20,8	147	19,6

Как показал анализ перемещений занятого населения между различными социальными группами, наибольшую интенсивность мобильность имеет место в группе бухгалтеров, экономистов, работников банка (40,5% изменивших позицию).

Основные изменения в траекториях перемещений между социально-профессиональными группами представлены на рисунке 2.

Основные траектории мобильности социально-профессиональных групп

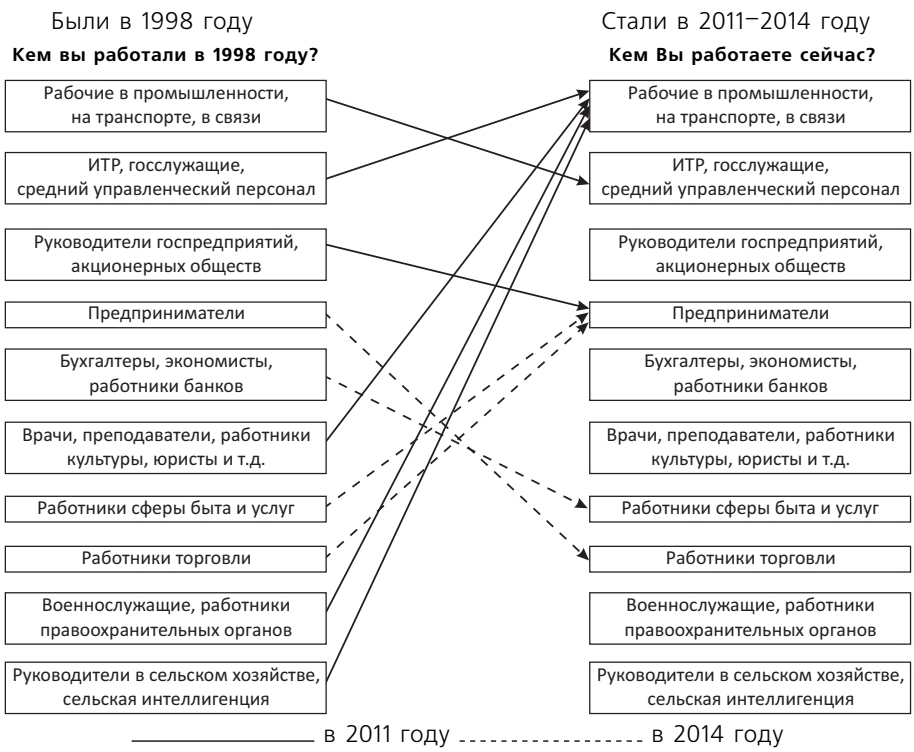

Рисунок 2

Итак, за трехлетний период изменение траекторий профессий мобильности произошло у 4-х из 10 исследуемых групп: предпринимателей, перемещение которых в 2011 году не было зафиксировано, а в 2014 году они стали перемещаться в группу специалистов работников сферы быта и услуг; у бухгалтеров, экономистов, работников банков, которые перемещались в 2011 году в группу ИТР госслужащих, средний управленческий персонал, а в 2014 году стали перемещаться в группу работников торговли; работники сферы быта и услуг, которые перемещались в 2011 году в группу работников торговли, а в 2014 году стали перемещаться в группу предпринимателей; работники торговли перемещались в 2011 году в группу бухгалтеров, экономистов, работников банков, а в 2014 году стали перемещаться в группу предпринимателей.

Судя по данным опроса, основным фактором, удерживающим человека на рабочем месте в 2011 году, являлась привычка к своей работе, этот фактор отмечали 35,8% опрошенных, мотив «мне некуда уходить» отмечали 30,7%. В 2014 году 34,5% респондентов выбрали ответ – «Я привык к своей работе», 34,0% – ответ «Работа интересная», 33,0% – ответ «Мне некуда уходить, другой работы у меня не было».

Содержательные статусные и экономические мотивы социальных перемещений имели в 2011 году значительно меньший удельный вес. Сравним эти данные.

Как следует из данных таблицы, большую роль стали играть такие мотивы, как:

• были сокращения, предприятие было закрыто +6,7%;

• на новой работе я имею больше возможностей проявить себя +3,2%;

• работа плохо оплачивалась +2,2%;

• работа по моей специальности сейчас не нужна +1,6%.

Уменьшилась роль таких причин, как:

• работа не пользовалась уважением, на –2,2%;

• появилась возможность более интересной работы, на –4,1%.

Стоит отметить, что основной целью проведённых в 2011 и 2014 гг. исследований было изучение особенностей социального самочувствия населения Челябинской области. В 2011 году региональное сообщество обладало определённым запасом социальной устойчивости и его социальное самочувствие представлялось в целом удовлетворительным на общероссийском фоне. Индекс социального самочувствия населения Челябинской области составлял 0,62. [См. 1]

Представленные в данной статье материалы сравнительного исследования свидетельствуют о том, что процессы изменения социальной структуры в Челябинской области на временном отрезке 2011–2014 гг. во многом схожи с теми, которые происходят и в российском обществе в целом. В сфере материального обеспечения наблюдается замедление роста показателей реальных доходов населения и замедление процесса дифференциации населения по уровню доходов и расходов. При этом процессы социальной дифференциации идут разнонаправленно и неравномерно и обнаруживают значительную специфику проявления в разных демографических и территориальных группах населения области. На фоне ухудшения материального положения населения в ситуацию турбулентного состояния попали стратификационные факторы, что, видимо, и привело к изменению показателей удельного веса страт в социальный структуре общества. В регионе про-

Таблица 9

Мотивы смены работы, профессии (после 1998 года)

	2014	2011
Были сокращения, предприятие было закрыто	32,1	25,4
На новой работе я имею больше возможностей проявить себя	27,5	24,3
Появилась возможность более интересной работы	24,1	28,2
Работа плохо оплачивалась	23,7	21,5
Работа по моей специальности сейчас не нужна	6,1	4,5
Работа не пользовалась уважением	2,3	4,5
Не знаю	1,5	-
Отказ от ответа	9,9	-

должается процесс формирования и закрепления базовых элементов новой социальной структуры, более характерной для общества с рыночной экономикой, возникают новые социальные слои и группы. И, наконец, продолжается пусть медленный, но неуклонный рост количества людей, относящих себя к среднему классу, который становится моложе.

1. Абрамкина, С.Р. , Богданова, Д.В., Терещук, Е.А. Челябинская область: особенности социального самочувствия / С.Р. Абрамкина, Д.В.Богданова, Е.А. Терещук // Социум и власть. 2011. № 4. С. 26–32.

2. Данные Всероссийской переписи населения – 2010 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/census_and_researching/census/. Дата обращения: 05.11.2014.

3. Зырянов, С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области. Социум и власть. № 4, 2011. № 1, 2012.

4. Итоги социально-экономического развития Челябинской области (январь-август 2014 года) / Южноуральская панорама, № 149. 30.09.2014 г.

5. Муниципальные образования Челябинской области. Основные социально-экономические показатели. Стат.сб. в 2 ч. Часть 1/ Челябинскстат. – Челябинск, 2011. – С. 11

6. Муниципальные образования Челябинской области. Основные социально-экономические показатели. Стат.сб. в 2 ч. Часть 1/ Челябинскстат. – Челябинск, 2014. – С. 11

7. Солнцев, О., Белоусов, Д., Голощапова, И. И. Игнатова. Не хватает прозрачности. Ведомости, 29.10.2014 г.

8. Челябинская область в цифрах. Краткий статистический сборник/ Челябинскстат, – 2011. – С. 24–25.

9. Челябинская область в цифрах. Краткий статистический сборник/ Челябинскстат, – 2013. – С. 70–72.

References

1. Abramkina, S.R., Bogdanova, D.V., Tereshhuk, E.A. Cheljabinskaja oblast': osobennosti social'nogo samochuvstvija [Chelyabinsk region: peculiarity of social health] // Socium i vlast'. 2011. № 4. S. 26–32.

2. Dannye Vserossijskoj perepisi naselenija – 2010 [Electronic resource]. Rezhim dostupa: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/census._and_researching/census/. (accessed: 05.11.2014).

3. Zyrjanov, S.G. Social'naja stratifikacija i social'naja mobil'nost' naselenija Cheljabinskoj oblasti. Socium i vlast'. №4, 2011. № 1, 2012.

4. Itogi social'no-jekonomicheskogo razvitija Cheljabinskoj oblasti (janvar'-avgust 2014 goda) / Juzhno-Ural'skaja panorama № 149. 30.09.2014 g.

5. Municipal'nye obrazovanija Cheljabinskoj oblasti. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli. Stat. sb. v 2 ch. Chast' 1/ Cheljabinskstat. – Cheljabinsk, 2011. – S. 11.

6. Municipal'nye obrazovanija Cheljabinskoj oblasti. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli. Stat. sb. v 2 ch. Chast' 1/ Cheljabinskstat. – Cheljabinsk, 2014. – S. 11.

7. Solncev, O., Belousov, D., Goloshhapova, I. I. Ignatova. Ne hvataet prozrachnosti [It lacks clarity]. Vedomosti., 29.10.2014 g.

8. Cheljabinskaja oblast' v cifrah. Kratkij statisticheski sbornik/ Cheljabinskstat, – 2011. – S. 24–25.

9. Cheljabinskaja oblast' v cifrah. Kratkij statisticheskij sbornik/ Cheljabinskstat, – 2013. – S. 70–72.

UDC 323

WEAKNESSES OF SOCIAL STRATIFICATION AND MOBILITY IN THE CHELYABINSK REGION IN THE FIRST HALF OF THE 2010–s

Zyrianov Sergey Grigoryevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
the Director,
Doctor of Political Science, Professor
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Annotation
The article is devoted to the analysis of regional social processes in the Chelyabinsk region in the period from 2008 to 2014 years. The weak trends of people's real income level and impact of decreasing rate of economical growth on social stratification are considered. Parameters of middle class and professional mobility of people are also examined in the article.

Key concepts:
people's real material income,
social stratification,
social mobility, middle class.